

Щипская Виктория

Хроники «Сиа»

Виктория Викторовна Щипская

Хроники «Сиа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64243477

SelfPub; 2021

Аннотация

Файл СС-0047. Уровень секретности: наивысший. Хроники межгалактического научного центра «Сиа». Последние годы перед катастрофой.

Содержание

Межгалактический Научный Центр «Сиа»	4
4043 год, 17 мая, 16:03	4
4047 год, 24 сентября, 8:23	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Виктория Щипская

Хроники «Сиа»

Межгалактический Научный Центр «Сиа»

4043 год, 17 мая, 16:03

Дверь отъехала в сторону, Нина вошла и сразу прикрыла глаза рукой. Тартаева сидела за столом, к ней спиной. Стол стоял напротив большого, почти во всю стену, окна, через которое в маленькую, пустую комнату проникал целый океан солнечного света. Тартаева не обернулась, ее темный силуэт даже не вздрогнул, когда дверь закрылась и из динамика под потолком раздался хриплый голос дежурного медбрата: «У Вас пять минут, товарищ Островская!»

– Здравствуйте, Таня. – Нине почему-то казалось, что надо говорить как можно тише.

– Здравствовать... – голос Тани изменился, стал намного ниже того голоса, который слышала Нина на слушании. – Попробую...

Нина начала обходить стол, всматриваясь в заключенную.

Она вся застыла в неподвижной позе: напряженная, ровная спина; обе руки лежали на столе, параллельно друг другу и были тоже напряжены, но кисти не сжаты в кулак, глаза не мигая смотрели на ослепительное солнце. Почти ничего не выдавало того, что над ней произвели Эксперимент, кроме еле заметного зеленоватого оттенка кожи и маленького красного бугорка на шее – как после укуса насекомого – следа от инъекции. На голове у Тани был белый платок, из-под которого торчали русые, неаккуратно подстриженные волосы. Одета она была в темно-синий комбинезон, слева на груди была вшита карточка с медицинскими данными.

– Ожидали увидеть чудовище с щупальцами?

– Не скрою, несмотря на опыт работы на различных инопланетных биостанциях, я не лишена предрассудков по поводу Эксперимента...

Нина прислонилась спиной к окну, сложила руки на груди и, наконец, представилась.

– Я – Нина Островская. Военный Бортмеханик. Мы с вами будем вместе работать в проекте «Рассвет».

– Очень приятно, – Таня сделала попытку улыбнуться – Кажется, я что-то о вас слышала... Правда... что-то с памятью...

– Не важно, что вы могли слышать обо мне. Я не составляю мнения о людях по слухам и по чужим мнениям, а только по их поступкам, – Нина не сводила глаз с Тани, наблюдая за ее реакциями на каждое ее слово.

– Что Вы хотите этим сказать? – реакций было немного, вернее сказать, кроме неудачной попытки улыбнуться, их вообще не было. Лицо было неподвижным, неестественным, каменным, как у статуи. Звуки исходили из слегка приоткрытого рта, сухие губы почти не двигались.

– Я была на слушании...

Таня сделала глубокий вдох.

– Позор. Мне стыдно, Нина. Не стоило... нам же вместе работать... Как же я смогу вам в глаза смотреть? Все осуждают, все так смотрят... такими глазами... Вот и у вас, наверное, такие глаза... правда я не вижу... почти вашего лица... вы спиной к свету... Подойдите, я хочу увидеть...

Нина на миг замерла, уставившись на свою тень, частично лежавшую на столе, частично на полу и пересекающую всю комнату. Затем повернулась так, чтобы как можно меньше ее лица оставалось в тени, и спокойно посмотрела на Таню.

– Хотя правильно. Вы правильно все сделали... Вы же должны знать, чего ожидать от такого существа, как я.

– Какого существа? Таня, за вас никто не решит, кем вам быть и ничто не помешает быть человеком...

Несколько хрипящих и стонущих звуков вырвалось у Тани. Нина вздрогнула. Заключение стала медленно поднимать правую руку.

– Как ничто не помешало вам оставаться им на Суорсе в совершенно невыносимых условиях, – продолжила Нина.

Таня стянула с головы платок. Вместе с платком с головы

на плечи и на стол упали пряди ее совсем недавно длинных и красивых, а теперь – безобразных, волос. Рука ее замерла. Взгляд медленно опустился вниз. И тут совсем неожиданно и резко Таня подскочила, издав дикий вопль, и бросилась в угол комнаты. Головой она уперлась в стену, тело ее судорожно трясло.

– Аааааа...гыхн..нггхаааааа....

Нина хотела подбежать к ней, но в комнату влетел медбрат, оттолкнул Нину и быстрым точным движением сделал инъекцию. Таня схватилась за шею и медленно съехала по стенке на пол.

– Я думаю, вам следует уйти, – судя по тону, медбрат не предполагал, а приказывал.

Таня подняла глаза.

– Зачем вы пришли ко мне, Нина? Зачем?

– Сказать только одно... на вашем месте, я поступила бы точно так же.

4043 год, 17 мая, 21:17

– Я хочу видеть тебя, – голос Краснова звучал приглушенно, на заднем фоне слышался лязг, треск, крик, электронные монотонные голоса андроидов. Это фраза означала одно, сегодня он будет работать как проклятый, чтобы не сбиться с графика, но закончить раньше и, минуя все кордоны, проберется туда, куда нельзя, например, к Нине в лабораторию, сядет в углу на пластиковый стул и до позднего вечера будет смотреть, как Нина производит отладку приборов. Именно

смотреть, не говоря ни слова, не помогая и не мешая, потому что он хочет «видеть ее» и все тут. И даже если Нина заговорит с ним, не факт, что он ответит – ведь он сказал «хочу видеть тебя», а не «говорить с тобой».

– Понятно, – Нина вздохнула. Она прислушалась к своим ощущениям и поняла, что уже почти привыкла. Прошло то самодовольное чувство, когда она, не стыдясь, хвасталась сама себе: «Сам Краснов... Эдуард. Величайший человек, настолько великий, что о его подвигах не знает человечество, а только верхушка да электронные файлы с пометкой «СИ_0». Краснов, о котором ходит только множество слухов и неоткуда узнать достоверную информацию... Именно он обратил на нее внимание...»

Да. Он ходил к ней. Смотрел. Говорил. О разных чудных вещах и нелепостях. Например, как в детстве, которое прошло у него в интернате на Пантоне, играя в одну игру с закрытыми глазами, он наступил на какого-то жучка... А потом понял, как это важно – жить с открытыми глазами. Бывало заставлял Нину слушать его всю ночь, несмотря на то что на следующее утро запланирован был вылет. «Я все время говорю важные и серьезные вещи, мне некому сказать другое». И Нина слушала, отмечая, как тает внутри нее эйфория, как стирается ореол величия с его образа в ее сознании, как потихоньку она подкрадывается к эмоциональному тупику.

Это ни к чему не вело, и ни к чему не могло привести.

Потому что нельзя. Потому что служба превыше всего. Нине как раз больше нравилось говорить с ним, как с капитаном, серьезным, ответственным и сильным. Даже простые отчеты о состоянии оборудования, систем жизнеобеспечения корабля и тому подобное, которые она раз в сутки во время рейса в устной форме докладывала ему, ей были приятней, чем вечерние исповеди чудака Краснова. Наверное, потому что он ее слушал во время отчетов, серьезно и внимательно, и темные глаза его смотрели ей в глаза, а не блуждали где-то в своем измерении, как скорей всего будет сегодня...

Нина заметила, что уже некоторое довольно длительное время они молчат на связи.

– Ты еще тут?

– Да. Я пошел работать. Отбой.

И так уже больше года...

4043 год, 17 мая, после полуночи

В это раз Краснов не пришел в лабораторию. Нина работала сначала с лаборантом, потом когда пришел конец смены, он поспешил удалиться, не закончив сборки – «Конец смены. Я не имею права работать!». И Нина осталась одна среди кучи деталей. Пришлось запустить пару андроидов. Она их не очень любила... от того, что, по правде говоря, побаивалась, не смотря на то, что в разработке некоторых из них сама принимала участие и перепрограммировала каждого, который поступил в ее пользование. Страх был не без оснований... Случай на «Голиафе» рассказывают на лекциях

по кибернетике. Когда под действием сильного магнитного поля, андроид-навигатор вышел из строя и переломал Нине ноги. Потом вместе с андроидом-врачом буквально вырвал сверхпрочную дверь в каюте, где она спасалась от них, и... принося извинения, принялся ее лечить.

«Все-таки с живой душой легче. Пусть даже с не очень расторопной и трудолюбивой».

Не пришел Краснов и в столовую, где Нина ела одна. Очень медленно ела Нина, гоня от себя мысль: «Неужели впервые не придет».

Отгоняла она ее вплоть до двери в свою комнату, но когда дверь закрылась за ее спиной, мысль эта накатила со всей силой противодействия. Она стала посреди комнаты как вкопанная. Обидно. Жалко. Тоскливо... Не то. А вдруг что-то случилось?

От размышлений ее оторвал писк «няни» – устройства на запястье, задача которого – следить за состоянием здоровья сотрудников «Сиа». Особенно вредными «няни» становились, когда близился вылет.

– Систематическое несоблюдение графика приводит к смещению биологических циклов, немедленно ложитесь спать Островская, иначе донесу в Центр!

Нина сняла и бросила комбинезон в отделение для чистки, забралась под одеяло и хотела подумать, что могло произойти с Эдуардом, но моментально задремала.

Проснулась она посреди ночи, от его взгляда. Все-таки

пришел. Тенью сидел в углу комнаты. Нина приподнялась, включила свет над кроватью и вырвала его силуэт из темноты.

– Ты давно тут? – она потерла рукой лицо, чтобы прогнать остатки сна.

– Часа два... смотрел... устал за день... Работы было много сегодня, «Рассвет» получил новые задачи, но не оборудование... ну, ты знаешь... ты же оборудование это делаешь... Кажется, это могло прозвучать двусмысленно. Я ничего плохого не имел в виду... – он не ожидал, что Нина проснется, говорил сбивчиво.

Нина молча смотрела на него.

– Не смотри на меня, – он закрыл рукой часть лица, которую ему уродовала уже не первый год неизвестная болезнь, поразившая на Суорсе при первой высадке. С болезнью этой пока никто не смог справиться, только приостановить. – Не смотри, я без маски... Натерла за день.

Нина не сводила глаз, и Краснов тревожно впивался в нее одним открытым глазом. В итоге она все-таки отвернулась в сторону.

– Я была на слушании сегодня. Виделась с Тартаевой. Сказала, что будем вместе на «Рассвете».

– Что скажешь?

– Будет тяжело. Она – сломленный человек.

– Ты даже представить себе не можешь, какими сильными бывают сломленные люди, Нина.

– Эксперимент... Знаю, мне не положено, но ты наверняка в курсе. Что на ней испытали?

Эдуард молчал.

– Эд, я должна знать. Мы не на зеленый Пантон летим, а в этот чертов ад на Суорсе. Если ты думаешь, что я как-то предвзято отношусь к Тане...

– Нет, я так не думаю. Зная тебя, я уверен, что ты поддержала ее при встрече... – Эдуард сделал еще паузу, Нина не стала прерывать его размышлений, через полминуты он продолжил, – Ген мутации... На ней испытали ген моментальной мутации, первую его стабильную версию, научный руководитель проекта – Квасова Анна Николаевна. Работы ведутся давно, многие уже перестали верить в этот проект. Анне было очень тяжело добиться права на Эксперимент...

– Что будет с Таней? Какие результаты?

– Это, Нина, как раз те новые задачи, которые предстоит решить во время «Рассвета». Больше, пожалуй, тебе не стоит знать.

– Понятно, – Нина отбросила одеяло, села в кровати и опустила голову. Перед глазами промелькнул образ Тани.

– Как интересно. Я проболтался. Так легко. Многие хотели знать, спрашивали, я уходил от ответа. А тебе проболтался. Ты делаешь меня слабым...

Нина привыкла, что он часто несет несуразицу, но тут не удержалась, резко посмотрела на него и удивленно подняла бровь. Эд растерялся.

– Кхм. Так вот... «Рассвет»... Начинаем мы через два месяца... ты знаешь... стартовать будем не с базы, со спутника – с Айоны... – Краснов говорил сбивчиво под пристальным взглядом Нины, которая щурила глаза и пыталась понять, зачем он произносит давно известную ей информацию, – Завтра, завтра... я выведу корабль на орбиту – надо провести некоторые работы... там... А оттуда сразу на Айону... и на «Сиа» не вернусь... Ну а ты через два месяца, за день до старта прибудешь. Без тебя все там отладим, ты тут нужней.

Он ерзал на стуле. Нина смотрела на него.

– Не смотри. Я без маски.

Нина не отворачивалась. Теперь он повернул голову в сторону. Дышал как паровоз, сжимал ладони, пытался что-то сказать, но выпадали лишь одни нелепые звуки. Потом как-то собрался.

– Через два месяца мы снова станем бортмехаником Островской и капитаном Красновым... Да. А сейчас последний день, когда я вижу тебя Ниной... Я хочу, чтоб мы были просто Эдом и Ниной... – он замолчал, прикусив нижнюю губу, и вдруг выпалил – Я уродлив! Я не могу тебе нравиться!

Краснов уронил лицо в ладони. Нине повезло, что он это сделал, так как она не смогла сдержать улыбки. Наконец-то ей стало понятно, если не все, то многое. Схлопнулось напряжение, так долго создававшее дистанцию между ними. Нина почувствовала, что перестала бояться, и даже призналась себе в некотором эгоистичном самодовольстве. Потом

сосредоточилась на Эдуарде и стала серьезней, медленно встала, осторожно прикоснулась к его плечу. Эд вздрогнул, убрал руки от лица, посадил Нину на колени и крепко прижал. Так они сидели до самого утра и встретили рассвет под назойливый писк «нянь».

4047 год, 24 сентября, 8:23

Квасова, пошатываясь, вышла из лаборатории. Лицо ее стало белее халата. Следователь и трое военных из дежурного патруля смолкли, увидев ее. Всем стало как-то неловко, как бывает неловко окружающим, когда среди них появляется человек, понесший большую утрату, которую невозможно понять и представить простому обывателю.

К ней, в непонятном порыве смеси чувств, хотел приблизиться Вязов. Но она подняла ладонь вверх перед его грудью, и он стал как вкопанный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.